ЮБИЛЕЙ ЛИТЕРАТУРА

Маски Шоу

150 лет знаменитому остроумцу

Коммерсантъ. – 2006. – 26 июля. – с. 13.

Сегодня исполняется 150 лет со дня рождения Джорджа Бернарда Шоу. Он начинал как газетный критик, а последнюю пьесу написал в возрасте девяноста двух лет. Он отказался от Нобелевской премии и от звания пэра, но вошел в историю как великий драматург и остроумнейший человек.

Бернарду Шоу пришлось встать в юбилейную «очередь». В этот год его родной Дублин уже побывал ареной двух крупнейших торжеств. За последние несколько лет здесь с помпой отметили 120-летие Джеймса Джойса, а затем — столетие Сэмюэла Беккета. Поклонники Шоу уже проявляли нетерпение: а вдруг великий авангардист и великий абсурдист затмят великого остроумца? Но все обошлось: 150-летие Бернарда Шоу отмечают с неменьшим прилежанием. Театральные фестивали сменяются научными конференциями и концертами. Специальная программа проходит в музее Шоу, доме, где он родился.

Впрочем, город Дублин не совсем вписывается в образ классической писательской колыбели. В доме помимо мамы и папы жил еще и мамин учитель музыки, и Шоу так и не узнал, кто же был его настоящим отцом. А так как обоих кандидатов на отцовство звали Джордж, то непонятно было, в чью честь его назвали. Может быть, именно поэтому собственное имя было писателю столь ненавистно, что он требовал, чтобы его называли исключительно по второму имени — Бернардом Шоу. В 1876 году он переехал в Лондон и в следующий раз побывал в Ирландии лишь спустя 30 лет. Он жил то с отцом, то с матерью, и эта неприкаянность как будто придала ему ускорение.

Его университетом стал Британский музей, где он провел двухгодичный курс самообучения. А так как его первые писательские опыты не имели успеха, он заделался критиком. Шоу рецензировал буквально все: театральные постановки, концерты и выставки. Причем это был именно тот случай, когда волка ноги кормят. Он так стаптывал толстенные подошвы своих ботинок, что альпинисты принимали его за своего. Не имея никакого специального образования, он тем не менее смог прославиться своими бойкими и остроумными рецензиями. Потом их еще долго собирали и издавали: томик музыкальной критики впервые вышел аж в 1981 году.

Именно тогда он выработал свои «золотые» принципы, равно подходящие для журналистики и для художественного творчества. Обрел «вредную» привычку считать себя «самым умным». Когда же его спрашивали, как ему удается так здорово острить, он отвечал: «Это очень просто. Я придумываю что-нибудь неостроумное и тут же говорю прямо противоположное». Потом он еще долго жаловался на тяжелую долю критика. Но, видимо, больше всего его допек театр. «Что же произошло с театром, если здорового человека он может довести до смерти?» — с этих слов началась его «личная» театральная реформа.

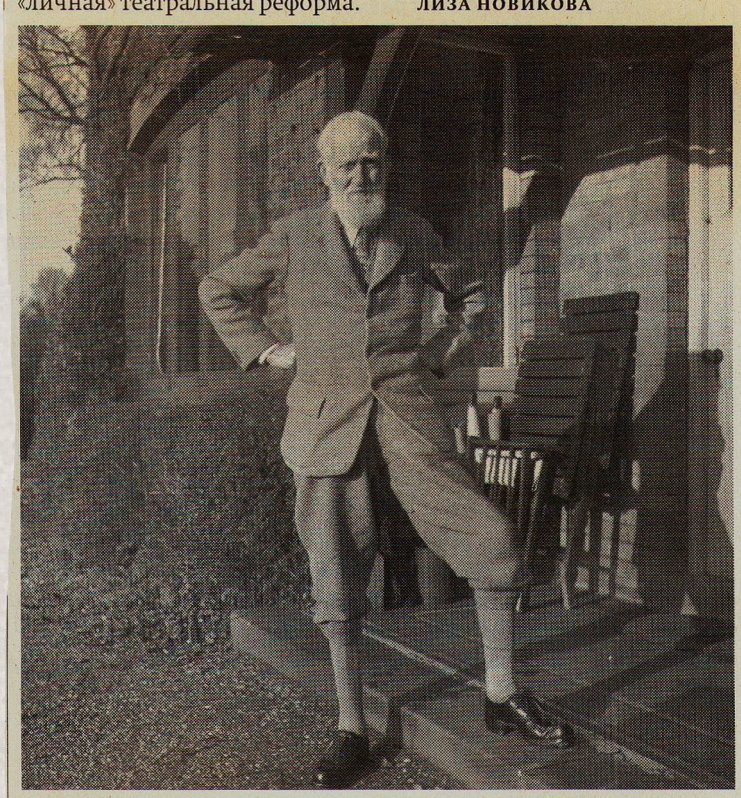
В современном ему театре главную роль отводили актеру — он добился того, чтобы это был «театр драматурга». Тогдашние зрители шли к Мельпомене скорее за развлечениями, а у Бернарда Шоу их ждали чуть ли не дебаты на политические и экономические темы. Конечно, такое было принято далеко не сразу. Одна из его «неприятных» пьес, как их именовал сам драматург, «Профессия миссис Уоррен», была запрещена и в Англии, и в Америке. Настоящий успех пришел к Шоу в начале XX века с пьесами «Другой остров Джона Буля», «Цезарь и Клеопатра». Во время первой мировой его «рейтинг» вновь упал, причиной чему были «антипатриотические высказывания». Но «Святая Иоанна», придавшая иронический отблеск только что канонизированной Жанне д`Арк, опять вернула ему популярность. Именно эта пьеса и принесла ему Нобелевскую премию. Но самым популярным его текстом и по сей день остается «Пигмалион». Историю чудесного превращения безграмотной цветочницы в великосветскую даму он сам считал «пьесой о фонетике». Но, став основой для фильма «Моя прекрасная леди», «фонетический фарс» был обречен стать еще и «мюзиклом на все времена».

У этого самоучки были какие-то очень назойливые претензии к искусству как таковому. Он имел смелость ставить знак равенства между творчеством и пропагандой. Он свято верил, что из театра, музея, концертного зала и библиотеки люди выходят изменившимися. И он хотел быть в курсе всех этих изменений, поэтому занимался и политикой, и искусством. Он исповедовал социалистические взгляды. Бывал в СССР, восторгался тогдашним строем. Но на вопрос, почему же он сам не переселяется в «этот рай на земле», отвечал, что, мол, в гостях хорошо, но в привычном домашнем «аду» лучше.

Ему до сих пор не могут простить терпимые отзывы о Сталине и Гитлере. Так, он выпустил специальный «Путеводитель по социализму, капитализму, советизму и фашизму». Посвятил этот «путеводитель» женщинам: феминизм был еще одним его увлечением. Впрочем, он занимал в его жизни не больше места, чем вегетарианство (он отрицал и алкоголь с табаком) или проекты по реформе английской орфографии. В списке его кумиров мирно соседствовали Аристофан и Карл Маркс, Генрик Ибсен и Антон Чехов, Джон Рескин и Герберт Уэллс.

Еще будучи газетным критиком, он усвоил важнейший урок: можно сколько угодно проповедовать свои взгляды, но если ты не заставишь читателя смеяться, тебя ни за что не услышат. Он всегда заставлял читателей смеяться. И такой ценой покупал себе право быть дидактиком. Эти два его свойства неразделимы. Поэтому он и не может окончательно выйти из моды. Пускай его резонерство сейчас смотрится устаревшим, но традиция истинного британского остроумия чем старше, тем ценнее.

ЛИЗА НОВИКОВА



Бернарду Шоу всегда удавалось балансировать между политикой и литературой ФОТО AFP